

Рец. на кн.: МЕГАН БРЕНДОУ-ФАЛЛЕР (ред.).
**ДИЗАЙН ДЕТСТВА: ИГРУШКИ И МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА ДЕТСТВА С 1700 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ /**
Пер. с англ. А. Ландиховой. М.: НЛО, 2021. 488 с.

Ольга Юрьевна Бойцова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
boitsova@gmail.com

Аннотация: Рецензия посвящена русскому переводу англоязычного сборника научных статей о детских игрушках. Авторы рецензируемой книги демонстрируют различные подходы к вопросу о том, как социальные исследователи могут изучать игрушки. Не все подходы оказываются одинаково удачными, но публикацию на русском языке книги по детской повседневности можно только приветствовать. К сожалению, в книге слабо слышны детские голоса, хотя все проанализированные игрушки — детские. Зато попытки дать детям говорить за себя в некоторых статьях сборника очень интересны.

Ключевые слова: детские игрушки, история детства, история культуры, повседневность, детское потребление, дизайн, идеология, анализ дискурса.

Для ссылок: Бойцова О. Рец. на кн.: Меган Брендоу-Фаллер (ред.). Дизайн детства: игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней / Пер. с англ. А. Ландиховой. М.: НЛО, 2021. 488 с. // Антропологический форум. 2023. № 56. С. 199–208.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-199-208

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/boitsova.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2023, NO. 56

**How to Study Toys? A Review of MEGAN BRANDOW-FALLER (ed.),
DIZAYN DETSTVA: IGRUSHKI I MATERIALNAYA
KULTURA DETSTVA S 1700 GODA DO NASHIKH DNEY
[Russian translation of MEGAN BRANDOW-FALLER (ed.),
CHILDHOOD BY DESIGN: TOYS AND THE MATERIAL
CULTURE OF CHILDHOOD, 1700–PRESENT.
New York et al.: Bloomsbury, 2018, 332 pp.].
Moscow: NLO, 2021, 488 pp.**

Olga Boitsova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
5 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
boitsova@gmail.com

Abstract: The review is devoted to the Russian translation of the English-language collection of articles united by the topic of children's toys. The authors of the reviewed book show different approaches to the question of how social researchers can study toys. Not all approaches are equally successful, but the publication of a book on children's everyday life in Russian can only be welcomed. Unfortunately, children's voices are not very loud in the book dedicated to children's toys, but the attempts to give voice to children presented in some articles are very interesting.

Keywords: children's toys, history of childhood, cultural history, everyday life, children's consumption, design, ideology, discourse analysis.

To cite: Boitsova O., 'A Review of Megan Brandow-Faller (ed.), Dizayn detstva: igrushki i materialnaya kultura detstva s 1700 goda do nashikh dney [Russian translation of Megan Brandow-Faller (ed.), Childhood by Design: Toys and the Material Culture of Childhood, 1700–Present. New York et al.: Bloomsbury, 2018, 332 pp.]. Moscow: NLO, 2021, 488 pp., *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 56, pp. 199–208.

doi: 10.31250/1815-8870-2023-19-56-199-208

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/056/boitsova.pdf>

Рец. на кн.: **Меган Брендоу-Фаллер (ред.)**. *Дизайн детства: игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней* / Пер. с англ. А. Ландиховой. М.: НЛО, 2021. 488 с.

Рецензия посвящена русскому переводу англоязычного сборника научных статей о детских игрушках. Авторы рецензируемой книги демонстрируют различные подходы к вопросу о том, как социальные исследователи могут изучать игрушки. Не все подходы оказываются одинаково удачными, но публикацию на русском языке книги по детской повседневности можно только приветствовать. К сожалению, в книге слабо слышны детские голоса, хотя все проанализированные игрушки — детские. Зато попытки дать детям говорить за себя в некоторых статьях сборника очень интересны.

Ключевые слова: детские игрушки, история детства, история культуры, повседневность, детское потребление, дизайн, идеология, анализ дискурса.

Как исследовать игрушки?

«Хорошие игрушки ведут к хорошему воспитанию в семье. Плохие игрушки ведут к плохому. А если воспитание в семье плохое, то соответственно и общество тоже будет плохим». Это цитата из китайского журнала столетней давности, которую приводит автор статьи про «правильные» китайские игрушки Валентина Боретти в книге «Дизайн детства» (С. 366), а как актуально это звучит сейчас!

Детская игрушка — интересный объект для исследования, потому что она сделана взрослыми для детей, т.е. ее производители и конечные потребители не совпадают. И сделана она не для строго определенной цели, а для таких практик, которые допускают свободу использования игрушки. Взрослые не могут досконально контролировать детскую игру, а дети в силу особенностей возраста — дать полный отчет о том, как именно они играют. Кроме того, с помощью детских игрушек взрослые могут решать свои задачи, например демонстрировать свой статус или благосостояние. Если не ограничиваться только производством игрушек, а пытаться заглянуть чуть дальше, в область связанных с ними дискурсов и практик, то как в таком случае изучать игрушки?

Бойцова Ольга Юрьевна

Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
boitsova@gmail.com

Переводной сборник «Дизайн детства» под редакцией историка искусства Меган Брендоу-Фаллер, вышедший в издательстве «НЛО» в 2021 г., предлагает ответ на этот вопрос.

Если в западной академической традиции детские игрушки имеют обширную научную библиографию, которая в том числе представлена в сносках в рецензируемом сборнике (см., например, работы Гэри Кросса и Мириам Форман-Брунелл: [Cross 1997; Forman-Brunell 1998; Cross 2004; Forman-Brunell, Whitney 2015]), то в России социальных исследований игрушек все еще очень мало. Народная игрушка как элемент традиционной культуры широко изучалась этнографами, тогда как фабричной и дизайнерской игрушке почти не досталось внимания отечественных социальных антропологов и историков культуры. Как исключения можно вспомнить выпущенный в РГУ сборник «Живая кукла» [Неклюдов, Мамедова 2009], а также книги Линор Горалик «Полая женщина. Мир Барби изнутри и снаружи» [Горалик 2005], Марины Костюхиной «Игрушка в детской литературе» [Костюхина 2008] и Игоря Морозова «Феномен куклы в традиционной и современной культуре» [Морозов 2011]. Список получается небольшой, поэтому публикацию на русском языке книги, целиком посвященной культурной истории игрушек, можно только приветствовать.

Как и «Полая женщина» Горалик, а также перевод еще одной книги по истории детства, «Дети в доме» Карин Калверт [Калверт 2009], сборник «Дизайн детства» вышел в «НЛО» в серии «Культура повседневности» и тем самым продолжил тему детской повседневности. В этой серии печатаются и научные, и научно-популярные книги. Рецензируемый сборник объединяет научные статьи, но и неспециалисту читать его по-настоящему интересно. Игрушка — такой объект, с которым эмоциональная связь возникает очень быстро. А те игрушки, о которых идет речь в книге, мы либо имели сами, будучи детьми, либо покупали своим детям, либо видели в музеях мира и вздыхали: вот бы нам в детстве такое! В каждой главе я испытывала радость узнавания — даже от дымковской и городецкой игрушки: хоть они и превратились в застывшие словосочетания с выхолощенным значением слова «игрушка», они знакомы нам по занятиям лепкой и урокам ИЗО в школе. Посвященная им 13-я глава дает повод задуматься: почему эти сувенирные то ли дамы, то ли бабы в яркой одежде до сих пор так популярны у педагогов дошкольного и школьного образования? Если вы хотите с помощью этой книги прикоснуться к детству, своему и чужому, то скучно вам не будет.

Составительница сборника Меган Брендоу-Фаллер в предисловии объясняет его название — «Дизайн детства: игрушки и ма-

териальная культура детства с 1700 года до наших дней» (Childhood by Design: Toys and the Material Culture of Childhood, 1700 — Present). Смысл словосочетания «дизайн детства» заключается в том, что игрушки имеют свою агентность и сами являются «дизайнерами» детства, конструируя его в тех или иных формах. Эта позиция вполне понятна с точки зрения современных социальных наук, однако при такой трактовке названия довольно спорной выглядит картинка на обложке, которая в публикации русского перевода взята из оригинального сборника, выпущенного издательством Bloomsbury. Изображенные на обложке детские стульчики фирмы Stokke, согласно предисловию, должны показывать, «как культура дизайна одновременно отражает меняющееся представление о детях и детстве и формирует его» (С. 38). Однако выбранная картинка скорее вводит в заблуждение, как будто в книге под такой обложкой говорится о другом «дизайне детства»: детской одежде, тканях для детей, оформлении детских комнат. Между тем во всех опубликованных главах речь идет только об игрушках — о том, что с ними делают люди и что они сами делают с людьми.

Все четырнадцать глав книги представляют собой анализ отдельных кейсов из разных стран и исторических эпох. Кейс может быть посвящен одной-единственной игрушке, такой как раскрашенная новозеландская модель из бумаги 1860-х гг. в 11-й главе, или же группе или серии игрушек, объединяемых вместе самими производителями, как нюрнбергские кухни¹, или же выделенным как группа самим исследователем, как, например, игрушки, созданные в рамках художественного движения «Баухаус». Иногда эти кейсы, как случай китайских игрушек 1920–1960-х гг., заставляют читателя воскликнуть: «Ну надо же, вот это да!» — а иногда, как Дом-Калейдоскоп, не содержат в себе никакого противоречия, которое подстегнуло бы исследовательское воображение.

Главы сборника разбиты на три тематических раздела, внутри которых кейсы организованы по хронологическому принципу. В первом разделе «Воспитание прагматичного ребенка: детство, потребление и коммодификация» акцент сделан на включении детей через игрушки в культуру потребления. Главы второго раздела «Детская забава? Авангард, реформизм и новый дизайн игрушки» объединяет то, что при создании игрушек дизайнеры экспериментировали. Третий раздел «Игра, игрушки и культура дизайна как инструменты идеологического и политического воздействия» посвящен игрушкам, имеющим идеологическую нагрузку. Как кажется после прочтения всей книги, главы

¹ Разновидность кукольных домиков с одной комнатой, наполненной кухонной утварью.

можно было бы пересобрать и по-другому: например, в главе Джеймса Брайана о нюрнбергских кухнях, открывающей третий раздел, говорится в том числе про потребление, а в главе Кэтлин Джустино из раздела про авангард речь идет о попытках использовать игрушки в социалистической Чехословакии как инструменты идеологического и политического воздействия. Поскольку деление на разделы представляется весьма условным, я в рецензии не буду его придерживаться. Отсутствие хронологического принципа в расположении глав иногда может, наверное, мешать читателю выстроить все кейсы в систему у себя в голове, но этот недостаток компенсируется объемным предисловием Меган Брендоу-Фаллер, где дана краткая история детских игрушек в западной культуре начиная с Нового времени.

Там же, в предисловии, Брендоу-Фаллер обозначает основные направления исследований игрушек. В сборнике они рассматриваются в рамках различных дискурсов о детстве — как отражения исторически изменчивых представлений о детях и как воплощения намерений воспитать в них те или иные качества. Тем самым сборник демонстрирует читателю целый спектр подходов к изучению игрушек. Эти подходы можно описать как матрешку, которая, кстати, тоже упоминается на страницах книги.

Прежде всего, игрушка имеет физические параметры. Для возможностей исследования это будет внешняя матрешка. Можно не открывать ее дальше и при изучении сосредоточиться на внешних признаках — так делают авторы статьи про Дом-Калейдоскоп¹. Но при этом игрушка делается с неким намерением, которое может быть выражено ее создателями эксплицитно, а может присутствовать неявно, и в этом последнем случае его можно попытаться реконструировать. Кроме того, у производителей игрушек, педагогов, родителей, представителей государственной власти могут быть разные мнения об игрушках, что вызывает дискуссии в обществе. Все эти взрослые акторы считают, что посредством игрушек они могут влиять на детей — и пытаются это делать. Колин Фэннинг в 4-й главе показывает, что декларации создателей — это прежде всего четко выверенные положения канонической истории бренда, которые совсем необязательно соответствуют фактам. Например, первые кирпичики LEGO, выпущенные в 1946 г., были не оригинальной дизайнерской разработкой, а подделкой под кирпичики британской фирмы Kiddikraft. Валентина Боретти в 14-й главе уделяет внимание ясно артикулированным наме-

¹ Дизайнерский кукольный домик 2001 г.

рениям педагогов и теоретиков игры и показывает, что игрушки внешне не всегда соответствуют их декларациям. Сара Кёртис в главе про игрушки Прекрасной эпохи во Франции рассказывает о родительских страхах из-за того, что механические игрушки и точные копии предметов могут лишить ребенка воображения. Путь изучения текстов для исследователей дискурса — наиболее легкий и надежный, поскольку заявления о том, какими должны быть игрушки, выражены вербально и, соответственно, поддаются текстуальному анализу.

В других случаях исследователь самостоятельно реконструирует невербализованные намерения создателей игрушек, как, например, Джейкоб Золманн в 12-й главе о немецком колониализме. Этот путь сулит новые открытия, но чреват рисками не совсем обоснованных предположений. Так, Золманн считает, что чернокожие немецкие куклы были «инструментом расового внушения», и без подкрепления текстовыми источниками восстанавливает «ожидания родителей, изготовителей и продавцов, полагавших, что дети должны обходиться с этими куклами уничижительно» (С. 332). Здесь стоит вспомнить, что чернокожие куклы выпускались, например, в СССР в 1960–1970-е гг. как инструмент борьбы с расизмом [Богданов 2014: 132]. Из соображений экономии тела и головы чернокожих немецких кукол делали идентичными тем же частям белых кукол, поэтому в реконструкции расизма производителей игрушек исследователь может опираться лишь на отдельные детали — губы красного цвета и одежду. Однако у темнокожих советских пупсов были такие же красные губы, как и у немецких кукол начала XX в. Вероятно, можно поставить вопрос об элементах (неосознанного или непроговариваемого) расизма советских производителей игрушек, выражавшегося в использовании стереотипных черт внешности негроидной расы, но при этом стоит иметь в виду, что намерения изготовителей темнокожих кукол в СССР были противоположны «расовому внушению». В зависимости от того, где и когда была сделана игрушка, красные губы необязательно могли играть роль, которую приписывает им Золманн: «Широкие, подкрашенные губы пупса, очевидно, должны были подкрепить расовый стереотип о внешности и сомнительной нравственной репутации африканских женщин» (С. 329). Здесь мне видится скорее вчитывание намерений исходя из исторического контекста. Та матрешка, с которой решил работать автор 12-й главы — матрешка реконструируемых намерений, может внутри оказаться пустой, и с ней надо быть осторожнее.

Чтение «Дизайна детства» ясно показывает: взрослые думают, что могут влиять на детей через игрушки, но сами бывают введены в заблуждение дискурсами об игрушках. Об этом пишет

Джеймс Брайан в 10-й главе о нюрнбергских кухнях: «Торговцы хотели продать свой товар и верить, что этим оказывают обществу ценную услугу, а родители, в свою очередь, хотели порадовать своих детей и верить, что тем самым воспитывают их» (С. 277). Можно сделать следующий шаг в рассуждениях: исследователи тоже взрослые, и они тоже могут быть введены в заблуждение дискурсами об игрушках. То, как игрушка изучается, тоже можно изучать. Например, нельзя не заметить, что Карен Сток и Кэтрин Уилер, авторы 9-й главы про Дом-Калейдоскоп, приводят эксплицирующие высказывания его создателей без малейшей критики. В тексте главы указаны и фирма-производитель, и цена, а вся глава написана в стиле продающих текстов: «Однако в Доме-Калейдоскопе соединилось лучшее из промышленности и природы благодаря сочетанию технологий массового производства с вдумчивым дизайном. В него можно просто играть, можно экспериментировать с цветом и светом, можно разыгрывать сюжеты, способные очаровать и детей, и взрослых» (С. 241). Если в предисловии к «Дизайну детства» упоминается PLC (Program-Length Commercials) — «реклама длиной в передачу» (С. 28), то после прочтения 9-й главы поневоле задумаешься о существовании «рекламы длиной в научную статью».

А что насчет «самой маленькой матрешки»? Дети по-своему обходятся с игрушкой и преобразуют ее в процессе игры. В эпоху утверждения и обсуждения в социальных науках детской субъектности (см., например: [Форум 2019]) авторы сборника не могут эту матрешку игнорировать. Но для разговора о ней часто не хватает данных. Источниками голосов детей для исследователей становятся записные книжки девочек (глава Серены Дайер об обучении детей покупкам в XVIII в.), мемуары взрослых женщин (глава Арианы Феннето о куклах «пандорах» XVIII в.), письма и дневники детей (глава Сары Кёртис о французских игрушках Прекрасной эпохи). Иногда агентность детей просто предполагается: «Несложно представить, что и некоторые немецкие девочки, подобно своим американским и английским сверстницам, были враждебно настроены по отношению к игрушечным кухням. С другой стороны, также возможно, что многим немецким девочкам кукольные кухни пришлись по душе» (С. 272). В наше время нельзя написать статью про игрушки и полностью проигнорировать детей, но все-таки гипотезы исследователей не заменят собой голоса детей¹.

¹ Рецензент оригинального сборника тоже отмечает скудость привлеченных детских свидетельств [Yagou 2019].

Что касается заявленной в предисловии агентности игрушек, ее признаки действительно можно увидеть в некоторых главах. В первую очередь речь идет о случаях, когда игрушки побуждают детей к строго определенной игре или же, наоборот, к разным видам игр. Брайан Генэуэй сравнивает кукол Кете Крузе и Марион Каулитц, глаза у которых не закрывались, а лица были индивидуальными, с бытовавшими в то же время в Германии фабричными куклами и присоединяется к мнению о том, что первые больше развивали воображение детей. Здесь приходится отметить, что книга, к сожалению, не везде хорошо отредактирована. Читатель почти всегда может мысленно исправить ошибку или опечатку, но иногда все-таки возникают трудности. Например, во фразе «там, где куклы массового производства были закрытыми, куклы Крузе были открытыми» (С. 180) из перевода непонятно, что Генэуэй имел в виду под «открытыми» (open) и «закрытыми» (closed) куклами. Судя по тексту оригинальной статьи, речь идет о свободе и открытости для интерпретаций, и, возможно, здесь стоило подобрать более ясные синонимы.

Мне кажется, что об агентности игрушек нельзя уверенно судить, не выслушав играющих с ними детей. А голоса детей в разделах о предполагаемом влиянии игрушек на ребенка звучат еле слышно или совсем отсутствуют. «Сегодня нам сложно установить, насколько послушно дети Германской империи отыгрывали родительские нарративы о немецком господстве. Вполне возможно, что кому-то из них больше нравились фигурки африканцев, а не фигурки германцев. А кто-то, вероятно, позволял африканским бойцам разбить солдат Schutztruppe», — пишет Джейкоб Золманн без какой-либо опоры на источники (С. 324).

Самая интересная, на мой взгляд, и в то же время самая спорная статья сборника — «Модели из бумаги в Новой Зеландии 1860-х годов» Линетт Таунсенд. Ее автор проделывает кропотливую работу, восстанавливая историю вырезанных из бумаги и раскрашенных вручную шаблонов английской деревни, хранящихся в Национальном музее Новой Зеландии «Те Папа Тонгарева». В своей статье Таунсенд утверждает ценность для исследования именно преобразованных детьми игрушек, таких как изучаемая ею модель (которая, впрочем, изначально была произведена фабричным способом и куплена) или найденный в коттедже веллингтонских колонистов XIX в. тайник, куда могла пролезть только маленькая детская рука и где были спрятаны сломанные брошки, браслеты и разбитые куколки. Таунсенд называет их «материальной культурой детей» и противопоставляет проявляющуюся в этих кейсах агентность детей сделанным взрослыми игрушкам, которые названы «материальная культура родителей». Автор пишет: «Игрушки, созданные

взрослыми, — это не то, чего хочет ребенок» (С. 312). На фоне таких прямых материальных свидетельств детской агентности автор критикует вербальные источники детских голосов как прошедшие обработку и потому не аутентичные: «Изредка до нас доходят детские дневники и письма детей в редакции газет и журналов. Однако чаще всего в записанных детских воспоминаниях отражена взрослая точка зрения» (С. 308). Не оспаривая ценность преобразованных детьми игрушек как источников, стоит заметить, что возможности материальных предметов тоже не безграничны. Восстанавливая историю бумажной модели, Таунсенд строит предположения: неизвестно наверняка ни то, кто именно из детей семьи Сакстон (или даже взрослых? В семье было одиннадцать человек в возрасте от 12 до 58 лет) вырезал и раскрашивал шаблоны, ни то, с какими мыслями и чувствами они это делали. Авторские интерпретации смыслов и значений бумажной модели во многом происходят из контекста: маленький новозеландский городок Нельсон, оторванность от метрополии, смерть главы семьи в 1866 г. Если бы тот же предмет попал в руки исследователя без этих данных, совершенно «немым», возможно ли было сделать предложенные Таунсенд интерпретации?

Несмотря на некоторые недостатки рецензируемого сборника, я считаю замечательным то, что он вышел в русском переводе. В сегодняшней России нам знакомы и поиск правильных игрушек, и страх перед неправильными (см., например: [Лапшин, Архипова 2022]). Это делает «Дизайн детства», книгу об игрушках XVIII–XXI вв. из разных стран, важной и актуальной для самого широкого круга русскоязычных читателей. А исследователи найдут в ней не один ответ, а целый ассортимент ответов на вопрос, который я вынесла в название этого текста: как изучать детские игрушки? Эти ответы я представила в виде раскрывающейся матрешки. Не все использованные в книге подходы применены удачно, но это дает повод сравнить их и выбрать себе подход по душе.

Библиография

- Богданов К.* Негры в СССР. Этнография мнимой диаспоры // Антропологический форум. 2014. № 22. 103–142.
- Горалик Л.* Полая женщина: мир Барби внутри и снаружи. М.: НЛО, 2005. 320 с.
- Калверт К.* Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: НЛО, 2009. 288 с.
- Костюхина М.С.* Игрушка в детской литературе. СПб.: Алетейя, 2008. 208 с.
- Морозов И.А.* Феномен куклы в традиционной и современной культуре: кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011. 352 с.

- Неклюдов С.Ю., Мамедова Д.Н. (сост.). Живая кукла: Сб. статей. М.: Изд-во РГГУ, 2009. 265 с.
- Лапишин Ю., Архипова А. Что общего между «Пусси Райот» и Хагги Вагги? Почему взрослые так боятся игрушечных монстров и почему их любят дети // Гласная. 2022, 23 дек. <<https://glasnaya.media/2022/12/23/chto-obshhego-mezhdu-pussi-rajot-i-haggi-vaggi-razbor-juriya-lapshina-i-aleksandry-arhipovoj/>>.
- Форум: В поисках детской субъектности // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 9–106. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-9-106.
- Cross G. Kids' Stuff: Toys and the Changing Worlds of American Childhood. Cambridge: Harvard University Press, 1997. 352 p.
- Cross G. The Cute and the Cool: Wondrous Innocence and Modern American Children's Culture. Oxford: Oxford University Press, 2004. 272 p.
- Forman-Brunell M. Made to Play House: Dolls and the Commercialization of American Girlhood, 1830–1930. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1998. 248 p.
- Forman-Brunell M., Whitney J.D. (eds.). Dolls Studies: The Many Meanings of Girls Toys and Play. N.Y.: Peter Lang, 2015. 287 p.
- Yagou A. Childhood by Design: Toys and the Material Culture of Childhood, 1700–Present, edited by Megan Brandow-Faller // The Design Journal. 2019. Vol. 22. No. 2. P. 1–4. doi: 10.1080/14606925.2019.1572999.

Ольга Бойцова

How to Study Toys? A Review of Megan Brandow-Faller (ed.), *Dizayn detstva: igrushki i materialnaya kultura detstva s 1700 goda do nashikh dney* [Russian translation of Megan Brandow-Faller (ed.), *Childhood by Design: Toys and the Material Culture of Childhood, 1700–Present*. New York et al.: Bloomsbury, 2018, 332 pp.]. Moscow: NLO, 2021, 488 pp.

Olga Boitsova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
boitsova@gmail.com

The review is devoted to the Russian translation of the English-language collection of articles united by the topic of children's toys. The authors of the reviewed book show different approaches to the question of how social researchers can study toys. Not all approaches are equally successful, but the publication of a book on children's everyday life in Russian can only be welcomed. Unfortunately, children's voices are not very loud in the book dedicated to children's

toys, but the attempts to give voice to children presented in some articles are very interesting.

Keywords: children's toys, history of childhood, cultural history, everyday life, children's consumption, design, ideology, discourse analysis.

References

- Bogdanov K., 'Negry v SSSR. Etnografiya mnimoy diaspori' [Negros in the USSR: Ethnography of an Imaginary Diaspora], *Antropologicheskij forum*, 2014, no. 22, pp. 103–142. (In Russian).
- Calvert K., *Children in the House: The Material Culture of Early Childhood, 1600–1900*. Boston, MA: Northeastern University Press, 1992, XI+189 pp.
- Cross G., *Kids' Stuff: Toys and the Changing Worlds of American Childhood*. Cambridge: Harvard University Press, 1997, 352 pp.
- Cross G., *The Cute and the Cool: Wondrous Innocence and Modern American Children's Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2004, 272 pp.
- Forman-Brunell M., *Made to Play House: Dolls and the Commercialization of American Girlhood, 1830–1930*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1998, 248 pp.
- Forman-Brunell M., Whitney J. D. (eds.), *Dolls Studies: The Many Meanings of Girls Toys and Play*. New York: Peter Lang, 2015, 287 pp.
- 'Forum: V poiskakh detskoy subyektности' [Forum: Children as Subjects], *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 42, pp. 9–106. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15-42-9-106. (In Russian).
- Goralik L., *Polaya zhenshchina: mir Barbi iznutri i snaruzhi* [Empty Woman: The World of Barbie from Inside and Outside]. Moscow: NLO, 2005, 320 pp. (In Russian).
- Kostyukhina M.S., *Igrushka v detskoy literature* [Toy in Children's Literature]. St Petersburg: Aleteya, 2008, 208 pp. (In Russian).
- Lapshin Yu., Arkhipova A., 'Chto obshchego mezhdu "Pussi Rayot" i Khaggi Vaggi? Pochemu vzroslye tak boyatsya igrushechnykh monstrov i pochemu ikh lyubyat deti' [What Do Pussy Riot and Huggy Wuggy Have in Common? Why Adults Are So Afraid of Toy Monsters and Why Children Love Them], *Glasnaya*, 2022, Dec. 23. <<https://glasnaya.media/2022/12/23/chto-obshhego-mezhdu-pussi-rajot-i-haggi-vaggi-razbor-juriya-lapshina-i-aleksandry-arhipovoj/>>. (In Russian).
- Morozov I. A., *Fenomen kukly v traditsionnoy i sovremennoy kulture : kross-kultur. issled. ideologii antropomorfizma* [The Phenomenon of Doll in Traditional and Contemporary Culture: Cross-cultural Study of Anthropomorphism]. Moscow: Indrik, 2011, 352 pp. (In Russian).
- Neklyudov S. Yu., Mamedova D. N. (eds.), *Zhivaya kukla* [A Living Doll]: A coll. of articles. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2009, 265 pp. (In Russian).
- Yagou A., 'Childhood by Design: Toys and the Material Culture of Childhood, 1700–Present, edited by Megan Brandow-Faller', *The Design Journal*, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 1–4. doi: 10.1080/14606925.2019.1572999.